ПИСЬМА к Р. В. АЛЕКСАНДРОВОЙ

Предисловие и публикация А. Н. Дубовикова

Раиса Всеволодовна Александрова (в замужестве Несмеянова, 1859 — после 1917) провела ранние годы в уездном городе Харьковской губернии Старобельске, с которым была тесно связана и семья Гаршиных. Сестра Александровой Н. В. де Лазари вспоминала: «Жили мы с Гаршиными в Старобельске почти рядом»; «наши семьи были связаны крепкой старинной дружбой...» ¹ Юношу Гаршина, приезжавшего на каникулы из Петербурга два-три раза в год, привлекал дом Александровых, где собиралась дружная, веселая компания молодежи. Здесь и зародилась его «долгая юношеская любовь» к Александровой. Е. С. Гаршина, которой принадлежит это определение, впоследствии вспоминала: «Не только для меня, но и ни для кого из нашего кружка не была тайной эта любовь, длившаяся целые годы, и все смотрели на них, как на помолвленных» ².

Н. В. де Лазари рассказывала, что увлечение Гаршина ее сестрой Раисой «явственно стало определяться» в ту пору, когда он вышел после ранения из лазарета и жил некоторое время в доме у матери в Харькове 3. Но, вероятно, это произошло не в 1878 г., а значительно раньше. Впервые имя Александровой появляется в письмах Гаршина в августе 1874 г. (см. наст. том, с. 200); августом 1875 г. датирован в автографе лирический отрывок, род стихотворения в прозе, начинающийся словами: «Она была милая девушка...» 4 И в этом отрывке, и в письмах 1875—1876 гг. явственно видна не только заинтересованность девушкой и ее будущей судьбой, но и более глубокое чувство, уже вышедшее за пределы простой дружбы.

Александрова обладала известными музыкальными способностями и охотно играла в домашних условиях на фортепиано. Вероятно, под влиянием Гаршина у нее пробудилось желание заняться музыкой по-настоящему. Осенью 1875 г. она поселилась на зиму в Харькове и поступила в Музыкальные классы, открывшиеся незадолго до этого (в 1871 г.) при Харьковском отделении Русского музыкального общества. Гаршин полностью одобрял этот ее поступок — он верил в ее музыкальную одаренность и, кроме того, видел в этом предпосылку для того, чтобы она могла вырваться из пошлой и затхлой атмосферы уездного городка и выйти в мир более широких интересов, более разумных и свободных человеческих отношений.

После трех лет успешных занятий в Харькове у Александровой родилась смелая мысль перебраться в Москву и поступить в Московскую консерваторию. Очевидно, старания Гаршина помочь превращению провинциальной барышни во взрослого, самостоятельного человека с определенными целями в жизни не остались бесплодными.

В сентябре 1878 г. Александрова была принята в консерваторию «сверхкомплектной ученицей». А по окончании учебного года, 25 мая 1879 г. она была «постановлением Художественного совета переведена за прилежание и успехи из сверхкомплектных в комплектные» ⁵.

В первые годы (1878—1881) Александрова занималась в классе фортепиано у преподавателя Вильборг, а с 1882 г.— в классе профессора П. А. Пабста ⁶. Среди ее учителей были также: К. К. Альбрехт (класс сольфеджио и теории музыки, 1878/1879 и 1881 гг.), Н. А. Губерт (класс гармонии, 1880/1881 г.), А. С. Аренский (класс гармонии, 1882/1883 и 1883/1884 гг.). Весной 1884 г. она числилась по классу проф. Пабста на VIII курсе. В журнале успеваемости за 1883/1884 г. проставлены ее оценки за занития (весьма средние), а экзаменационные оценки отсутствуют ⁷. К этому времени относится, по-видимому, постановление Художественного совета: «Ученица Александрова

(Пабст, VIII) может кончить курс по педаг (огике) ф. п. в нынешнему году, в будущем же году сдать остальные экзамены» 8. После 1884 г. имя Александровой в списках учащихся консерватории и в экзаменационных листах не встречается. Нет его и в списках окончивших консерваторию. Очевидно, какие-то причины, нам неизвестные, помешали ей закончить курс.

О дальнейшей жизни Александровой нам известно очень немногое. В Харьков или Старобельск она больше не вернулась, осталась в Москве. Впоследствии она стала женой популярного в Москве врача-стоматолога, доктора медицины Николан Алексеевича Несмеянова ⁹. Последнее упоминание о ней удалось найти в справочнике «Вся Москва» на 1916—1917 гг.

Увлечение Гаршина Александровой было не очень прочным. Судя по его письмам к матери, окончательный разрыв между ними произошел в начале 1879 г., хотя дружеские отношения их как будто после этого не оборвались 10. Н. В. де Лазари в цитированных уже воспоминаниях рассказывала: «Уже говорили о них как о женихе и невесте, но, ввиду болезненной наследственности в семье Гаршиных как мать В. М., так и мать моя старались, по возможности мягко, отвлечь молодых людей от мысли сочетаться браком» 11. К этому можно добавить, что со стороны Е. С. Гаршиной определяющим ее отношение к будущему браку было не это опасение, а вернее всего чувство ревности матери к женщине, которая готова отобрать у нее сына. Однако в 1880 г., после того как Гаршин уже познакомился с Н. М. Золотиловой, мать писателя в борьбе с новой «опасностью» решила использовать в качестве орудия Александрову и приложила немало усилий для восстановления отношений между нею и сыном. Летом 1880 г., когда Гаршин после жестокого приступа душевной болезни, вызванного казнью Млодецкого, лечился на Сабуровой даче под Харьковом, Е. С. Гаршина уверяла, что он очень хочет видеть Александрову, и сама привезла ее в больницу. Но эта встреча с выздоравливающим — по-видимому, последняя в их жизни — ничего не изменила, и Александрова осталась для Гаршина чужим человеком 12.

Письма Гаршина к Р. В. Александровой были напечатаны впервые Н. А. Крашенинниковым в январе 1917 г. в «Русской мысли» ¹³. Из сообщения самого Крашениникова и на основании некоторых других источников выясняются обстоятельства, при каких была осуществлена эта публикация.

Будучи летом 1916 г. на лечении в Ессентуках, Крашенинников познакомился там с младшей сестрой Р. В. Александровой Антониной (Ниной) Всеволодовной, в замужестве де Лазари. Он записал ее воспоминания о Гаршине (очень неточные) и получил, по-видимому, разрешение на публикацию этой записи — она составила первую часть материалов, напечатанных в «Русской мысли». Не приходится сомневаться, что от нееже Крашенинников получил сведения о ее старшей сестре Раисе, жившей в Москве. По возвращении в Москву он, вероятно, сразу же познакомился с нею. Трудно сказать определенно, знал ли он уже о хранящихся у нее письмах Гаршина, но вернее всего, что де Лазари упоминала о них в своих беседах. Во всяком случае, результатом его встреч с Р. В. Несмеяновой было то, что ему были показаны письма и дана возможность снять с них копии для публикации.

Дальнейщая судьба автографов неясна, местонахождение их в течение многих лет было неизвестно. Поэтому письма к Р. В. Александровой были напечатаны в книге Гаршин III по текстам «Русской мысли». И только в 1938 г. подлинники этих писем поступили в Отдел рукописей ГБЛ (ф. 178, 8646) от некоей А. В. Духовской . За прошедшие с тех пор 35 лет автографы эти не привлекали внимания исследователей.

Изучение подлинников писем и сличение их с текстами, напечатанными в «Русской мысли», показало, что опубликованы тогда они были весьма неисправно, со многими неточностями и пропусками. Имена большинства упоминаемых лиц были обозначены только инициалами, а в ряде мест совсем опущены. Часть купюр вызвана была, несомненно, соображениями политической дензуры, особенно жесткой в свяви с военными условиями и с надвигавшимся крахом самодержавия. Так, в п. 5 было исключено сообщение о смерти вел. кн. Марии Николаевны с пренебрежительным отзывом о ней. Самая значительная купюра была сделана в п.6: в тексте стихотворения Гаршина, на-

писанного в день пятнадцатой годовщины крестьянской реформы, были отсечены последние три строки, придававшие раздумьям автора особенно острый политический смысл:

> Прочь, муза, прочь! С меня довольно песен! Противны мне их авуки! Месть велит Перо сломать и взять кинжал убийцы! 15

Кроме того, сокращению в публикации «Русской мысли» подвергались многие высказывания о семейных делах, суждения о родных, друзьях или знакомых; здесь, можно думать, действовала инерция «домашней» цензуры — почти 30 лет, прошедшие со дня смерти Гаршина, считались, очевидно, сроком, еще недостаточным для полной публикации писем.

В ГБЛ поступили автографы девяти писем к Р. В. Александровой. Среди них оказалось два письма, никогда не публиковавшихся (п. 1 и 10). С другой стороны, в этой связке отсутствует автограф августовского письма 1876 г. (п. 8), вошедшего в публикацию «Русской мысли». Предпринятые нами поиски этого утраченного автографа оказались успешными: он был обнаружен в одном из альбомов, принадлежавших Крашенинникову, который был неутомимым коллекционером, в течение всей своей жизни собиравшим автографы литературных деятелей. Как оказалось, это письмо Гаршина было подарено ему адресатом, о чем свидетельствует надпись на первом листе автографа: «Н. А. Крашениникову. Р. Несмеянова. 1916 г., октября 16-го» 16.

Таким образом, всего нами было выявлено 10 автографов писем Гаршина к Р. В. Александровой, 1875—1876 гг. — все они печатаются ниже. Нет никаких сомнений, что переписка с Александровой продолжалась и в последующие два года, по 1878 г. включительно, когда произошел разрыв между Гаршиным и ею. Эти позднейшие письма остаются полностью неизвестными. Не сохранились также и письма Александровой к Гаршину.

примечания

1 РМ, 1917, № 1, с. 45. Запись Н. А. Крашенинникова.

² «Русское обозрение», 1895, № 2, с. 878. ³ РМ, 1917, № 1, с. 47.

- ⁴ Впервые опубликован: РМ, 1917, № 1, с. 65; см. также: Гаршин III, с. 455.
- ⁵ ЦГАЛИ, ф. 2099, Московской государственной консерватории, оп. 1, ед. хр. 33. л. 13.
- 6 Павел Августович Пабст (1854—1897) выдающийся пианист, был пригла-шен в Московскую консерваторию Н. Г. Рубинштейном в 1879 г., в 1881 г. получил звание профессора. Среди его учеников были А. Б. Гольденвейзер и К. Н. Игумнов.

- 7 ЦГАЛИ, ф. 2099, оп. 1, ед. хр. 79, л. 1 об.— 2.
 8 Там же, ед. хр. 33, л. 88. Сохранияся только черновик протокола заседания Художественного совета, помеченный 20 апреля (год не указан).

 ⁹ Н. А. Несмеянов умер, по-видимому, в 1914 г.— в справочнике «Вся Москва»
- на 1915 г. его имя уже не встречается.
- 10 См. письма от 17 февраля, 5 марта и 9 июля 1879 г. Гаршин III, с. 177, 179 и 183.

¹¹ *PM*, 1917, № 1, c. 47.

- 12 См. об этой встрече в письмах П. Г. Попова к Н. М. Золотиловой. Гаршин III, c. 530-532.
- 13 «Материалы по истории русской литературы и культуры. К биографии В. М. Гаршина». Сообщил Н. А. Крашенинников (...) II. Письма В. М. Гаршина.— РМ, 1917, № 1, с. 53—64. ¹⁴ Сообщено Ю. П. Благоволиной.

- 15 В черновом автографе стихотворения (ИРЛИ, ф. 70, № 106, л. 21) этих заключительных строк еще не было. Текст стихотворения из письма к Александровой, дающий позднейшую редакцию, воспроизводится — в усеченном цензурой виде — во всех
- советских изданиях сочинений Гаршина.

 16 ЦГАЛИ, ф. 1086, оп. 2, ед. хр. 153, л. 30—31. В другом альбоме вклеен также подаренный Крашенинникову Р. В. Несмеяновой листок с автографом лирического этюда «Она была милая девушка. . .» На листке дарственная надпись: «От той Р..., которой были написаны В. М. Гаршиным эти строки, Н. А. Крашенинникову. 1916 г., сентября 23-го» (там же, ед. хр. 154, л. 3).

Харьков, 3 сентября <1875 г.>

Дорогая Раиса Всеволодовна!

Еще раньше вашего письма к Жене мы получили известие о вас от Глафиры Васильевны и тотчас же направились (я и Женя) к Илье Николаевичу 1. Сей последний ничего особенно утешительного не сказал, во, впрочем, и неутешительного тоже нет. Никулин ответит вам, когда найдет новую квартиру ². Илья Николаевич, кроме того, сказал нам, что в письме к вам он выразил «свой взгляд на это дело». В чем состоит этот взгляд, вы. должно быть, уже знаете и, верно, не оставите нас в неизвестности относительно вашего положения.

Если бы даже (предположив самое худшее) Никулин отказался принять вас к себе, не унывайте, не падайте духом, дорогая Раиса Всеволодовна. Уверяю вас, что возможно будет устроиться и без помощи Никулина; конечно, если на это последует и пр. и пр...

Главное — не робейте и не огорчайтесь, а то у вас сейчас же зубы заболят, щека распухнет и вы сделаетесь ни на что негодны.

Около 20 сентября я увижусь с вами в Старобельске; мне придется ехать вместо матушки ³. Тогда поговорим толком.

Что сказать о себе? Скука страшная, особенно когда мама уйдет на урок; впрочем, эта скука помогает мне заниматься английским языком, в котором я сделал большие успехи. К зиме буду брать у Рени (редактор «Отдельных романов») переводы, которые он мне по знакомству наверно доставит 4. Торчу целый день до обеда дома, потом иду скитаться по окрестностям города в сопровождении достопочтенного пса Сокола; когда ноги заноют от усталости, плетусь понемножку домой, потом чай, потом опять английский язык до 11-12 ч., потом спать. Скверно совсем; делать нечего; особенно досадно смотреть на Женю: всегда человек занят. Просто стыдно перед ним. Ну да в Питере наверстаю потерянное время.

С Новиковым познакомился 5. Человек неглупый, только чересчур-[уверен в се(бе)] занят собою. Не снаружи, а внутри, конечно. Говорить с ним очень приятно; один из немногих людей, с которыми можно спорить.

Что поделывает ваша орда? Буйствует, должно быть, кроме «Курпияна».

Что Андрюша?

Впрочем, я задаю вам вопросы, как будто уверен, что вы ответите мнена это письмо. Надо сперва попросить хорошенько; черкните, дорогая моя, хоть строчку. Вы не знаете, как будет рад ей ваш скучающий друг.

До свиданья и, притом, скорого. Кланяйтесь Марии Николаевне за меня. Александре Кузминишне, Нине и Наде поклон до земли. Поцелуйте добрейшего и уважаемого Николая Всеволодовича 6.

Всегда ваш Всеволод Гаршин

Не робейте.

Мама кланяется.

Вашего письма к Жене я не читал 7. Женя сам не дал, а просить неловко. Поэтому я о вас ничего не знаю.

¹ Женя — младший брат писателя Евгений (см. наст. том, с. 199). Глафира Васильевна — первая жена его старшего брата Егора (Георгия) Михайловича (см. наст. том, с. 200). Илья Николаевич — харьковский знакомый Гаршина, сведений о нем найти не удалось.

² Никулин — муж тетки Р. В. Александровой (со стороны матери) — Прасковьи Николаевны. Они жили постоянно в Харькове. Здесь и ниже речь идет о задуманном

Александровой переезде в Харьков, где она хотела учиться музыке (см. п. 2).

3 Эта поездка была, очевидно, связана с делами по родовому имению (см. о нем.

наст. том, с. 200).

4 С. Р. Е. Рени Гаршин был знаком по дому своих родственников Пузино. План. сотрудничества в «Собрании романов» не осуществился (см. письмо к матери от 19 октября 1875 г. — Гаршин III, с. 47).

Р. В. АЛЕКСАНДРОВА Фотография, 1870-е годы Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

⁵ Павел Михеевич *Новиков* (1850—1902) — близкий знакомый Гаршина сначала по Харькову, затем по Петербургу. «Он всем нашим очень и очень понравидся, да и в самом деле хороший и умный человек. Мы в самых дружеских отношениях», — писал Гаршин матери 19 ноября 1876 г. (Гаршин III, с. 105; справку о Новикове см. там же, с. 579).

⁶ Мария Николаевна — мать Р. В. Александровой. Александра Кузьминишна — воспитанница в семье Александровых. Нина — сестра Р. В. Александровой Антонина (см. о ней выше, с. 213—214). Надя — сестра их Надежда Всеволодовна; Николай

Всеволодович — их брат.

7 Это письмо Александровой к Евгению Гаршину остается неизвестным.

2

Петербург, 30 октября 1875 г.

Дорогая Раиса Всеволодовна!

Простите мне мою дерзость: я решился писать к вам. Хотя вообще подобные переписки принадлежат к числу вещей, на которые окружающие смотрят косо и подозрительно, но я не думаю, чтобы это могло служить непреодолимым препятствием к получению от вас нескольких строчек. Тем более, что вы уже написали мне одно письмо из Старобельска 1.

После этого краткого предисловия выражаю вам мой телячий восторг по случаю вашего поступления в Музыкальное общество ². Наконец-то вы если не на ногах, так на одной ноге! Только зачем вы предпочли барыню Слатину; последний человек очень известный и серьезный музыкант ³. Напишите мне, что вы играли на пробу и какое впечатление произвели; матушка пишет, что все были в восторге ⁴, только я хотел бы знать это от вас самих: тогда я был бы более уверен, потому что вы себя никогда не хвалите.

Живу я однообразно, довольно скучно, но в полном душевном спокойствии. Видеть вокруг себя опять всё человеческие лица, слушать вещи, не приводящие каждую минуту в раздражение, не подвергаться опасности быть поставленным в положение, когда не остается ничего более

делать, как воткнуть вилку в чье-нибудь толстое брюхо, — согласитесь, что все это имеет свои приятности. Работаю много: утром Институт, потом у Пузино ⁵ учу мальчишку 7 лет грамоте ⁶, потом, в виде вознаграждения, обедаю у них же, потом домой, до 8 занятия; в 8 ч. приходит Володя Латкин с «Историческими письмами» Миртова, и мы читаем их вместе ⁷. Одному читать ни мне, ни ему невозможно: не хватит терпенья, а книжку прочесть непременно нужно. В 11 ч. Миртов уносится, и я остаюсь один. Говорила ли вам матушка, что я, вероятно, буду сотрудничать в «Петербургском листке»? По случаю этого обстоятельства после 11 ч. я сижу еще часа по два-три и пишу. Задался мыслью изобразить, хотя отчасти, уездную жизнь в маленьких очерках; один уже готов («Земское собрание») и на этой неделе понесется в редакцию ⁸.

Само собою, что матерьял беру отчасти из жизни нашего милого Старобельска. Не говорите об моей работе покуда никому, даже мамаше и

Жене.

Все бы было хорошо, если бы можно было хоть раз в неделю посмотреть на матушку с Женей, да (зачем скрываться?) на вас. Дороже у меня нет никого на свете.

Когда я виделся с вами последние дни в Старобельске, как тошно мне, как скучно было толковать о неизбежном Егоре Михайловиче и не менее неизбежной Глафире Васильевне, о Лебедевых, Ренчицких и прочей братье 9. Мне было вовсе не до них. Мне хотелось просто молчать и смотреть на вас; мне казалось отчего-то, что вы не вырветесь из Старобельска и засядете [там] на неопределенный срок в трясине, из которой одно замужество вырывает уездных барышень. Да и как большею частью вырывает? Вырывает, чтобы бросить в еще более грязную глубокую яму, из которой нет уже спасенья. Я не говорю об исключениях; впрочем, в Старобельске я их не видел. Для тех, кто утратил в себе всякое внутреннее подобие божие, конечно, замужество идеал, вот, например, Глафира Васильевна. Хотя у нее муж и так себе, не очень-то удовлетворяет строгим требованиям чего хотите, но все-таки она [мне кажется] больше довольна, чем недовольна своим замужеством.

Раиса Всеволодовна, неужели вы вырвались на год из Старобельска, чтобы снова попасть в него? И когда попасть! Когда хоть немного попробуете другого, свежего воздуху, когда легкие уже не перенесут удушливых миазмов, именуемых в нашем милом отечественном городе, неизвестно по какой причине, — жизнью.

Дорогая моя, пишите, бога ради! Если вам что-нибудь не нравится в моем письме, скажите. Я посокращусь. А то, в самом деле, не слишком ли я разоткровенничался с вами; впрочем, что же мне и скрывать-то от вас?

Если сниметесь, пришлите карточку. Своей обещать скоро не могу. Мы на днях будем сниматься втроем: А. Я. Герд ¹⁰, Володя и [я] ваш по-корнейший слуга и снимем только три группы — для себя ¹¹. Дело в том, что Александр Яковлевич, вероятно, покинет нас в Питере и уедет куданибудь в провинцию. Этого провинция не съест! Выдержит ¹²!

Будете писать домой, кланяйтесь всем, Александре Кузминишне особо.

Скажите ей, что пари я не совсем еще проиграл.

До свиданья.

Всегда ваш друг Всеволод Гаршин

Пишите.

Напишите, можно ли мне писать к вам *прямо* по вашему адресу в квартиру Никулиных? Я ведь ничего не знаю об их отношениях к вам.

¹ О письмах Александровой к Гаршину см. наст. том, с. 215.

² Отделение Русского музыкального общества в Харькове было создано в 1871 г. При нем в октябре того же года были открыты музыкальные классы; в 1883 г. они были преобразованы в Харьковское музыкальное училище.

3 Илья Ильич Слатин (1845—1931) — пианист и дирижер, основатель и директор Харьковского отделения Русского музыкального общества. Вел занятия по классу рояля. Вторым преподавателем по классу рояля была Е. М. Мясоедова, окончившая курс в Московской консерватории.

⁴ Это письмо Е. С. Гаршиной не сохранилось.

5 Семья контр-адмирала Ореста Поликарповича Пузино (см. наст. том, с. 201). 6 Коля Пузино — младший сын О. П. Пузино.

⁷ О В. М. Латкине см. наст. том, с. 199. «Исторические письма» П. Л. Лаврова публиковались в 1868—1869 гг., под псевдонимом П. Миртов, в газете «Неделя». В 1870 г. они вышли отдельным изданием.

⁸ Вскоре Гаршин отказался от намерения отнести свой сатирический очерк «Подлинная история Энского земского собрания» в редакцию «Петербургского листка». Очерк появился в газете «Молва» (1876, № 15, 11 апреля).

 Лебедевы — найти сведения об этой семье из Старобельска не удалось. Ренчицкие — семья Станислава Дмитриевича Ренчицкого, инспектора Старобельской мужской прогимназии. 15 марта 1875 г. Гаршин писал матери: «Летом непременно напишу наиподробнейшую корреспонденцию из Старобельска об гимназии и Ренчицком. Что ва скоты! Достаточно экзаменов (вступительных) прошлого года, чтобы их оконфувить» (Гаршин III, с. 37). Через год, 5 марта 1876 г., он сообщал матери о задуманных очерках, один из которых должен был называться «История прогимназии»: «План для очерках, один из которых должен оыл называться «история прогимназии»: «План для этих очерков у меня составлен. Старобельск дает обильный материал» (там же, с. 71).

10 Об А. Я. Герде см. наст. том, с. 203.

11 Эта группа была снята В. А. Карриком несколько позднее — в феврале 1876 г.

(см. ее воспроизведение — наст. том, с. 221).

12 В провинцию А. Я. Герд не поехал в связи с длительной командировкой в Ан-

глию (см. п. 4).

18 $\frac{27}{X1}$. 75. CH6.

Дорогая Раиса Всеволодовна!

Много я виноват перед вами своим долгим молчанием в ответ на ваше письмо. На это были причины, о которых умолчу. Спасибо вам за то, что не оставили без ответа мое послание; на второе хоть и не отвечайте, потому что скоро увидимся. Около 20 декабря я поеду отсюда в Харьков.

Получил я от матушки печальное известие о брате (Егоре Михайловиче), в чем оно состоит, вы уже, конечно, знаете. Матушка прислала мне его письмо; с отчаянием пишет человек, читать страшно. Что-то у них будет с уважаемой хозяйкой! Скверно кончится дело ¹.

Я живу по-прежнему, так себе, потихоньку да полегоньку. Достал себе уроки: готовлю некоторую молоденькую и весьма миловидную девицу на экзамен домашней учительницы из арифметики и геометрии. Связываться с «Петербургским листком» я не решился, а [вчера] сегодня снес свое маленькое произведение к А. С. Суворину (Незнакомец) 2. Принял он меня так хорошо и тепло, что я от него в восторге; мой очерк оставил для прочтения. Во вторник пойду на страшный суд. Что-то он скажет 3? Я не думаю покуда нигде печататься; с меня будет довольно только суворинского одобрения; писать начать всегда успеешь, был бы талант.

Страшно! Письмо это к вам дойдет, должно быть, раньше вторника, и в этот день прошу вас прочесть акафист св. Всеволоду, князю Псковскому. Все-таки лучше заручиться.

Если будете мне писать до Рождества (и карточка?), то напишите о

Старобельске, что знаете. А больше всего пишите о себе!

Весьма рад, что наконец вы с Глинкой познакомились; жаль только, что «Руслана» не играете. Это еще лучше «Жизни за царя». Мы, то есть наша компания, состоящая из 8-9 человек, ходим в театр еженедельно, с примерною аккуратностью. Я здесь семь недель и был в опере тоже семь раз: «Фауст», «Жизнь за царя», «Руслан», «Гугеноты», «Тангейзер», «Фауст», «Русалка». Последнюю оперу видел в первый раз, и она мне очень поправилась.

Был раз на репетиции симфонического собрания и слушал симфонию Листа — «Divina Comedia», то есть «Божественная комедия» 4. Впечатление страшное. Первые аккорды действительно переносят вас прямо в ад. Ах, милейшая музыкантша, зачем вы не слышите настоящего, хорошего оркестра! Что бы вы сказали! Никакой рояль, даже если и вы на нем играете, не может мне заменить несравненного Направника со аггелами его. А ваш Шуровский — это нечто ужасное 5.

У Пузино уроки мои идут успешно: ученик мой уже начал читать. Только неудобно — ужасно времени идет много на урок и на обед. Поэтому после Рождества брошу Пузино. Довольно того, что читать выучил *.

Сегодня четверг; до вторника осталось пять дней. Как только получу благоприятный ответ — сейчас же извещу вас и матушку. Ну, а если вдруг неблагоприятный?

Не скрою от вас, что он был бы для меня жестоким ударом.

Совсем забыл! Во вторник был в Художественном клубе вечер медицинских барышень; я, конечно, там присутствовал и встретил Софью Михайловну Лобковскую. Она действительно учится медицине, только не в Академии, а на курсах при Калинкинской больнице ⁶. Это первый земляк, которого я встречаю в Петербурге за несколько лет. Был еще Клевцов 7, да тот, как вы, я думаю, знаете, застрелился.

Не устроит ли ваше «Отделение» концерта в пользу герцеговинцев 8? Вы бы выписали из Старобельска Глафиру Васильевну и сыграли бы с нею увертюру «Отелло» в четыре руки. Успех был бы огромный; на Гла-

фиру Васильевну все бы взяли билеты.

До свиданья, дорогая моя! Скоро увидимся, меньше чем через месяц.

Ваш друг Всеволод Гаршин

 Это письмо Е. С. Гаршиной к сыну до нас не дошло.
 «Маленькое произведение» — очерк «Подлинная история Энского земского собрания» (см. о нем п. 2, примеч. 8). А. С. Суворин в это время имел еще репутацию передового деятеля, близкого к либеральным и демократическим кругам. Большим успехом пользовались его фельетоны «Недельные очерки и картинки», которые он печатал в течение ряда лет в газете «С.-Петербургские ведомости» под псевдонимом «Незнакомец». В феврале 1876 г. он приобрел газету «Новое время» и вскоре после этого открыто перешел в лагерь реакции.

³ Ближайший вторник, когда Гаршин должен был снова идти к Суворину, приходился на 2 декабря. Но не исключено, что посещение было перенесено на следующий вторник — 9 декабря. Именно в этот день Гаршин писал матери: «Был я у Суворина.

Начинания мои он похвалил, сказал, что написано «литературно», живо и интересно. Советует снести в «Неделю»; там, мол, наверно напечатают» (Гаршин III, с. 58).

4 Симфонические концерты («собрания») устраивало в Петербурге с 1859 г. Русское музыкальное общество. Э. Ф. Направник руководил собраниями в 1869—1887 гг. «Симфония к «Божественной комедии» Данте» была написана Листом в 1855 г. Она состояла из трех частей — «Ад», «Чистилище», «Magnificat».

 Б Петр Андреевич *Щуровский* (1850—1908) — пианист, дирижер и композитор.
 Женские курсы «для образования ученых акушерок» были открыты при Медикохирургической академии в Петербурге в 1872 г. С 1876 г. они были отделены от академии и существовали при Николаевском военном госпитале. Были упразднены в 1882 г. (В. Альбицкий. Высшие учебные заведения России. 2-е изд. СПб., 1884).
7 Сведений о Клевцове найти не удалось.

⁸ В 1875 г. в Боснии и Герцоговине вспыхнуло восстание против турецкого ига. Широкие круги русской общественности выражали сочувствие борьбе восставших и стремились оказать им помощь. В апреле 1876 г. Гаршин писал матери о своем желании поехать в Герцеговину «драться» (Гаршин III, с. 79).

^{*} Далее одна строка зачеркнута.

В. М. ГАРШИН, А. Я. ГЕРД, В. М. ЛАТКИН Фотография В. Каррика. Петербург, 1876 Институт русской [литературы АН СССР Ленинград

4

23 января 1876 г. СПб.

Дорогая Раиса Всеволодовна!

Насилу собрался я написать вам. Собирался я так долго по очень простой причине: не было матерьяла для письма. Теперь, хотя писать, по правде сказать, тоже нечего, все-таки пишу, потому что надеюсь получить от вас ответ.

Поселился я на Васильевском острове, в 6 линии ¹. Комната порядочная, только высоко очень — 84 ступени. Недалеко от Института и Пузино — мест моего постоянного посещения. Жаль только, что от Латкина далеко; теперь мы видимся не каждый день, что заметили товарищи и знакомые и уже посмеиваются.

11 апреля у нас начнутся экзамены; как видите, времени осталось немного; приходится засесть за работу. Впрочем, я рад [тому], так как

экзамены и кончатся раньше, в 20-х числах мая.

В среду я был у Латкиных и произвел большой скандал. К ним собрались гости: были Герды; Сидорова, миллионерша, жена северного промышленника ²; Самарская, супруга одного из присяжных поверенных; все, как видите, люди почтенные. Стали заниматься спиритизмом, столик вертеть ³. Между нами были люди совсем неверующие в эту ерунду, как, например, Прасковья Андреевна Латкина ⁴. Вдруг, ко всеобщему изумлению, столик начинает ходить, подниматься на одной ножке, стучать, давать стуком ответы и пр. и пр. «Явления» эти продолжались часа $2^{1}/_{2}$, потом столик бросили. Начались разговоры о спиритизме, о сущности спиритических явлений, все, даже неверующие, уже уверовали, как вдруг я объявляю, что все движения столика были произведены моими руками.

Половина стала на мою сторону и благодарила меня за то, что я «разубедил», а другая обиделась. Линочка Латкина 5 объявила даже, что это «подвость» (она не произносит «л»). Заметьте еще, что все в то время, как мы вертели столик, сначала подовревали меня в мошенничестве и смотрели на мои руки; я все-таки ухитрился надуть. Из этого можете вывести, как легко ловкому фокуснику производить все эти «явления».

Вчера мы с Володей и Гердом снимались втроем у Каррика, но неудачно; пригласил пересняться. Группу эту мы затеяли по той причине, что Александр Яковлевич (Герд) уезжает на полгода в Англию. Там, в Кенсингтонском дворце, будет педагогическая выставка и съезд, в котором примут участие английские ученые и представители других стран. От Рос-

сии поедет Александр Яковлевич 6.

Другого Герда, брата его, посылает военное министерство в Америку, на Филадельфийскую выставку, тоже в качестве уполномоченного 7. Счастливые люди! А ты сиди здесь и кисни. Когда-то, наконец, удовлетворится моя жажда шатанья по белому свету?

В ту самую минуту, как я пишу эти строчки, ваше лицо посмотрело на меня из рамки (ваша карточка у меня на столе) и точно будто бы засмеялось. Впрочем, немудрено, что мне мерещится; уже час ночи, и я так долго сидел за аналитикой, что в голове точно мутовкой помешано.

Завтра кончу письмо. Сегодня перо валится из рук. Покойной ночи

Bam B. F.

24 января

Сегодня воскресенье. Я встал в скверном расположении духа и жалею, что нужно кончать вам письмо *. Впрочем, кончать не буду, а просто попрощаюсь и попрошу передать поклон Прасковье Николаевне и Зинаиде Ивановне 8.

Ах, Раиса Всеволодовна, дорогая моя, когда я вас увижу! Хоть бы на минутку поглядеть на вас. Пишите, пожалуйста. Если нечего писать, так хоть размышления о погоде и бренности человеческой жизни, а всетаки пишите.

Вам горячо преданный В. Гаршин

P. S. Был у меня Егор Петрович Киселев, но не застал дома. Его назначили в лейб-гусары, в Царское Село.

Сегодня 24, я уехал из Харькова 10-го, а до сих пор от матушки не получал ни строчки, хотя сам пишу аккуратно. Что это значит?

1 После возвращения из Харькова, где он провел рождественские каникулы, Гаршин поселился на новом месте: Васильевский остров, 6 линия, д. № 1, кв. 25.

² Михаил Константинович Сидоров (1823—1887) — сибирский золотопромышленник и исследователь Севера; был женат на дочери В. Н. Латкина Елене Васильевне, которая приходилась двоюродной сестрой молодым Латкиным, друзьям Гаршина.

³ Увлечение спиритизмом возникло в России в начале 1870-х годов и особенно распространилось в 1874—1875 гг. Трезво мыслящая часть общества доказывала, что явления спиритизма основаны на обмане (см.: «Материалы для суждения о спиритизме».

СПб., изд. Д. И. Менделеева, 1876).

4 Прасковья Андреевна Латкина — мать В. М. Латкина.

5 Магдалина Михайловна Латкина («Линочка», 1861—1911) — сестра В. М. Латкина. Позднее окончила Петербургские (Бестужевские) Высшие женские курсы по истина.

торико-филологическому факультету, затем преподавала историю в Саратове, Баку.
⁶ Информация о том, что в Лондоне, в Южно-Кенсингтонском музее, устраивается «весьма интересная выставка предметов и аппаратов для научных целей», появилась в «С.-Петербургских ведомостях» (1876, № 54, 24 февраля). По приглашению правительства Великобритании в выставке приняли участие многие страны, в связи с чем она приобрела международный характер. Открытие выставки было назначено на 1 апреля н. с. 1876 г. А. Я. Герд был командирован на выставку Педагогическим музеем военно-

^{*} Далее зачеркнуто четыре слова.

учебных заведений в качестве представителя русского отдела и пробыл в Лондоне с апреля но сентябрь 1876 г. (см.: Н. К. Ермолин. Очерк жизни А. Я. Герда. СПб.,

1889, с. 57).

7 Шестая всемирная выставка 1876 г. в Филадельфии была приурочена к празднованию столетия независимости Соединенных Штатов, ее открытие было назначено на 10 мая. Россию представляли на выставке 500 экспонентов. Брат А. Я. Герда Иван Яковлевич был воспитателем во 2 Петербургской военной гимназии.

8 О Прасковье Николаевне Никулиной см. п. 1, примеч. 2, Зинаида Ивановна ---

харьковская подруга Р. В. Александровой.

⁹ О своем беспокойстве по поводу молчания матери Гаршин писал ей 23 и 28 января 1876 г. (Гаршин III, с. 59, 61—62). Как оказалось, ее письмо от 14 января пропало на почте (см. там же, с. 62).

⟨Между 10 и 13 февраля 1876 г. СПб.⟩¹

Дорогая Раиса Всеволодовна!

Не знаю, как благодарить вас за ваш подарок, за карточку вашу и Зинаиды Ивановны, которой также прошу вас передать мою благодарность. Карточка ваша для меня была совершенным сюрпризом. Вернулся я однажды домой вечером, злой, почти больной (о причинах умолчу), настроение было самое скверное, но ваше письмо развеселило меня, показав, что и у меня есть друзья, которые меня не забывают.

Во втором вашем письме вы пишете, что первое наполнено глупостями и тому подобное: я решительно не понимаю вас. Глупостей в письме нет никаких, разве не очень умно только то, что письмо очень коротко: впрочем, и второе не длиннее. Зачем вы хотите рисоваться письмами перед кем бы то ни было; пишите, что пишется, посылайте, что написалось. А если вы будете стараться писать только умные вещи, что из этого выйдет? Что может быть хуже, чем то, что человек «притворяется умным», как говорил мой покойный батюшка про мать.

Извините за это рассуждение и за то, что письмо испачкано помарками. Вчера я весело провел время. Собралась компания человек в 25 студентов и барышень и отправились на чухонских лошадях за город * на 7 санях. За городом по Парголовской дороге остановились в пустой даче и устроили пляс, выпивку и тому подобное. Поехали днем, приехали поздно вечером. Приняв во внимание хорошую погоду и то обстоятельство, что мы сами правили и страшно летели туда и назад, можно с достоверностью утверждать, что поездка удалась вполне.

Я сегодня расположен выражаться витиеватым слогом. Пишу такое,

что и сам мало понимаю.

Петербург в трауре; повсюду висит черное сукно и белый коленкор; офицеры обтянули погоны и кокарды крепом. Мария Николаевна умерла как раз в то время, когда всем хочется веселиться, и поэтому все ее ру-

Господи! жила — ругали и умерла — тоже ругают, зачем умерла ². Экзамены наши если не на носу, то недалеко от оного, почему я и засел за работу. Вчерашнее путешествие прервало ее, впрочем, я не жалею, потому что весело провел время. Сколько было гаму и визгу! Одни сани перекувырнулись, и публика, трое мужчин и дама, очутились в канаве, в снегу, откуда мы с превеликим трудом вытащили их.

Пишите, Раиса Всеволодовна, пожалуйста! Да не старайтесь писать мне только то, что вам кажется умным; ведь я знаю уже вас немного, и об вашем уме составил некоторое приблизительное понятие, которое ваши

^{*} На масленицу в Петербург приезжает страшное количество чухонцев-извозчиков, вроде ваших ваньков. Они возят только одну неделю, не платя за то никаких денег. Лошади у них очень маленькие, но очень быстро бегают и замечательно выносливы (примеч. Гаршина).

письма, будь они умны или глупы, изменить не могут. Человек не письмами сказывается.

Пишите, что придет на ум; только пишите непременно. Прежде я только просил вас об этом, а теперь больше чем прошу, потому что получать ваши письма для меня потребность. Не сочтите это за фразу и не забывайте вашего друга

Всеволода Гаршина

Поклон всем вашим.

Посылаю вам марки и желаю узнать цель, с которой вы их собираете. Что поделывают ваши в Старобельске?

¹ В кн.: Гаршин III напечатано с неточной датой: «Около 15 февраля 1876 г.». Предлагаемая нами датировка — между 10 и 13 февраля — основывается на следующих фактах. Масленица в 1876 г. была с 8 по 14 февраля; вел. княгиня Мария Николаевна умерла 9 февраля, 12-го гроб был перевезен в Петропавловскую крепость; похороны состоялись 13 февраля, после чего общий траур был снят: с 14-го все императорские театры возобновили спектакли. Поскольку письмо было написано еще в дни траура,

14 и 15 февраля исключаются нак возможные даты.

² Мария Николаевна, дочь Николая I, была президентом Академии художеств в 1852—1876 гг. В письме к матери от 12 февраля 1876 г. Гаршин возмущенно писал: «Подлец «Голос» не преминул разлиться скорбью в своей передовой статье об августейшей покойнице, которая и правственность-то являла, и общественной деятельностью занималась, и Академию художеств на высокую ногу поставила. А она в Академию художеств, несмотря на то что была ее президентом, никогда не заглядывала» (Гаршин III, с. 64).

18-22 76.CII6.

Дорогая Раиса Всеволодовна!

Сегодня 22 февраля; ровно через три месяца у нас последний экзамен. Если вы действительно не уедете в Старобельск до 15 июня, то я вас застану в Харькове и буду иметь удовольствие лицезреть около трех недель.

Поэтому я заранее ликую.

Что за человек ваша новая сожительница? Вы пишете: «умная»; правда ли это? Вы что-то уж слишком скоро убедились в ее уме.

Матушка пишет мне, что в Харькове уже все растаяло. Вот счастливые! У нас морозы, ветер, снега на поларшина, темно, скучно. Моя тетка Ольга Орестовна 1 уезжает во вторник в Крым (и, вероятно, заедет к матушке). Там, говорят, уже деревья распустились. Впрочем, я и здесь, в Петербурге, как-то чувствую весну: мало спится, много работается, а в особенности бегается. На днях предстоит очень и очень неприятная вещь (для меня, конечно): Александр Яковлевич Герд 6 марта уезжает 2. Одним, да, по правде сказать, и единственным истинно хорошим человеком стало меньше на целых полгода. Он приедет в сентябре. Жена его ³ тоже едет за границу, так что, как вы видите, мои знакомые поредеют.

По случаю 19 февраля написались у меня стихи. Простите, что без вашей просьбы привожу вам их. Вам, может быть, мое стихоплетство вовсе не нравится; по крайней мере я не знаю вашего мнения об этом пред-

мете.

За последнее время я что-то сильно расписался. И для чего? Господь ведает! Сидишь целый час и пишешь и пишешь; рифмованные и нерифмованные стихи ложатся в огромном количестве на бумагу, а после вместе с бумагой кладутся в печь; стихи горят; через два дня операция повторяется. Послушайте.

> Пятнадцать лет тому назад Россия Торжествовала, радости полна, Повсюду в скромных деревенских храмах

Моленья богу возносил народ; Надежды наполняли наши души, И будущее виделось в сияньи Свободы, правды, мира и труда.

Над родиной «свободы просвещенной» Ты засияла, кроткая заря, Исполнилось желание поэта *, Когда, народным горем удрученный, Он спрашивал грядущее тоскливо, Когда конец страданиям народа, Прийдет иль нет освобожденья день?

Свершилось! Ржавые оковы с звоном Упали на землю. Свободны руки! Но раны трехсотлетние остались, Натертые железом кандалов, Изогнута спина безмерным гнетом, Иссечена безжалостным кнутом, Разбито сердце, голова в тумане Невежества; работа из-под палки Оставила тяжелые следы. И, как больной опасною болезнью, Стал тихо выздоравливать народ.

О ранами покрытый богатыры! Спеши, вставай, беда настанет скоро!

Она пришла! Бесстыдная толпа Не дремлет; скоро выются сети, Опутано израненное тело И прежние мученья начались!..

Противны мне их звуки! Месть велит Перо сломать и взять кинжал убийцы! 4

B. r. $18\frac{19}{11}76$

Да, месть велит! А ты сидишь тут и киснешь! Пописываешь дрянные стишонки, наполненные фразами, а чтобы сам что-нибудь сделать — ни шагу.

Впрочем:

Когда науки трудный путь пройдется Когда в борьбе и жизни дух окрепнет, Когда спокойным оком, беспристрастно Я в состояньи буду наблюдать Людей поступки, тайные их мысли Читать начну своим духовным взором, Когда пойму вполне ту тайну жизни, Которой смутно чую бытие,—
Тогда возьму бесстрашною рукою Перо и меч и изготовлюсь к бою 5.

^{*} Пушкина (примеч. Гаршина).

⁸ Литературное наследство, т. 87

Сегодня у меня «стих нашел» писать белые стихи. Извините, что надоедаю.

Скоро снимусь и пришлю карточки вам и Зинаиде Ивановне.

До свиданья, дорогая моя! Прощанье это больше относится к вам, чем ко мне, потому что вы всегда, всегда со мною.

Поклонитесь вашим.

Ваш друг Всеволод Гаршин

При этом письме посылаю целую кучку марок. Две из них — китайскоанглийские из Гонконга.

Прислал их на письме Пузино 6.

1 Ольга Орестовна Пузино, старшая дочь О. П. Пузино.

² См. п. 4, примеч. 6. ³ Об А. М. Герд см. наст. том, с. 203.

4 Об исключении по цензурным соображениям трех заключительных строк этого стихотворения см. наст. том, с. 215. Подцензурный текст стихотворения воспроизводился во всех советских изданиях сочинений Гаршина. В полном виде оно печатается вдесь впервые.

Это стихотворение, как и предыдущее, впервые было опубликовано в «Русской мысли», 1917, № 1; по этому тексту, точно воспроизводящему автограф, оно печатается

во всех собраниях сочинений Гаршина.

в В 1875—1877 гг. контр-адмирал О. П. Пузино командовал Тихоокеанским отрядом судов русского флота, совершавшим плавание у берегов Китая, Японии и Северной Америки (см.: «Общий морской список», ч. XI, СПб., 1900, с. 291).

CII6., $18\frac{26}{111}76$

Дорогая Раиса Всеволодовна!

Уже две недели как я получил ваше последнее письмо, а отвечаю на него только теперь. Причина тому та, что я все хотел послать вам карточку, да так и не успел сняться все это время. То времени нет, то денег.

Матушка писала мне о ваших блистательных успехах ¹. Искренно поздравляю вас. Теперь я твердо убежден, что мои предположения относительно ваших концертов в европейских столицах, о громадном успехе и пр. и пр., которые я однажды, сидя у вас в гостиной, имел честь выскавать, эти предположения, говорю я, непременно сбудутся. Быть может, и я в качестве ничтожного и смиренного писаки-фельетониста буду восторгаться вашим «туше» и чувством, буду сравнивать вас с Листом и Рубинштейном. Тогда не осмелюсь я писать вам писем, подобных этому, а только разве за скромный рубль куплю себе местечко в концерт и буду слушать... Далее моя дерзость не прострется.

На поприще скромного писаки я уже выступил. Я послал одну из моих писулек в «Молву» и получил известие от редактора, что писульку напечатают в одном из следующих номеров газеты 2. Вот уже три воскресенья прошло, а статья, подписанная буквами Р. А., все еще не появляется 3. Впрочем, не беда и подождать немного; я счастлив тем уже, что мои первые литературные опыты были одобрены таким хорошим ценителем, как А. С. Суворин, и не отвергнуты порядочным журналом.

Я надеюсь, что вы не будете в претензии на меня за то, что я украл у вас начальные буквы вашего имени для подписи. Быть может, они принесут мне счастье.

Рассказывала ли вам матушка о Квитке, одном из моих товарищей, который чуть не умер от антонова огня? Должно быть, да. Теперь он сов-сем поправляется; но все-таки около него нужен постоянный уход; нужно промывать раны, накладывать компрессы, делать перевязки. Так как опасность уже прошла, то почти все Квиткины товарищи перестали ходить

к нему на дежурство, особенно студенты-медики (им очень далеко, верст 5—6); поэтому мне, Володе Латкину, да отчасти Коновалову ⁵ приходится постоянно быть при бедном Семене.

А действительно бедный. Здесь есть музей Гасснера; ⁶ в нем, между прочим, есть коллекция отвратительных сифилитических язв, сделанная прекрасным образом из воска. Несмотря на то что у этого Гасснера собрано все, что только можно было найти ужасного по части ран и язв, раны Квитки было гораздо ужаснее. Огромные, черные, как уголь, и с невообразимым, невозможным зловонием. Сначала было очень трудно возиться со всем этим, но через день или два я совершенно привык. Так что теперь я горько сожалею, что не попал в Медицинскую академию.

До свидания, дорогая моя. Пишите мне, если будете столь добры, что напишете, прямо на квартиру, а не в Институт. Адрес мой: Васильевский остров, 6 линия, д. № 1, кв. 25. А то теперь в Институте я почти не бываю; некогда — с одной стороны Семен, а с другой — долбня записок.

Передайте поклон Зинаиде Ивановне и Прасковье Николаевне. Когда будете писать в Старобельск, не забудьте засвидетельствовать почтение Александре Кузминишне и прочим.

До свиданья.

Всегда ваш В. Гаршин

Р. S. Глафира Васильевна-то! Вот удивила мир! Льщу себя мыслью о том, что я ∂ я ∂ ношка! Какая честь! 7

Это письмо Е. С. Гаршиной остается неизвестным.

² 5 марта 1876 г. Гаршин писал матери: «Сейчас только Ольга Васильевна, моя сервантка, подала мне письмо от А. Жемчужникова, редактора «Молвы», письмо, где он пишет, что мой маленький очерк будет помещен в «Молве». Ликованию моему несть пределов» (Гаршин III, с. 70).

³ Очерк был напечатан 11 апреля (см. п. 2, примеч. 8), но с опечаткой в подписи —

Р. Л. вместо Р. А.

⁴ Семен Кузьмич Квитка — студент Горного института, окончил его в 1879 г. Подробно о его болезни Гаршин писал матери 12 марта 1876 г. (Гаршин III, с. 72). В последующих письмах он регулярно извещал мать о ходе болезни и далее о выздоровлении Квитки. О Квитке рассказывает И. Я. Павловский в воспоминаниях «Дебюты В. М. Гаршина» («Красный цветок». Литературный сборник в память В. М. Гаршина. СПб., 1889, с. 18).

5 Дмитрий Петрович Коновалов (1856—1929)— студент Горного института, впоследствии крупный ученый-химик, действительный член Академии наук СССР с

1923 г.

⁶ Анатомический музей Гасснера был открыт в Пассаже в 1876 г. В рекламных объявлениях сообщалось, что «Удостоенный премий и известный во всей Европе Музей Гасснера» содержит «более 1000 замечательных предметов» — «механическая модель человеческого глаза», «механическая модель человеческой руки», «Дривола, замечательная красавица из волшебного мира» и др.

7 У старшего брата Гаршина Егора Михайловича и его жены Глафиры Васильев-

ны родился сын Александр.

8

<Петербург, 27 или 28 августа 1876 г.> 1

Дорогая Раиса Всеволодовна!

Не поверите, как мне горько было уезжать, не повидавшись с вами хоть на минутку, да делать нечего; пришлось опять отказаться от возможности вилеть вас на полгода, а может быть и навсегда.

Навсегда, в том случае, если наконец мои хлопоты увенчаются успехом и мне дадут заграничный паспорт. Если вы видели мою матушку, то она наверно сказала вам, как я [было] хотел уехать в Сербию и как меня не пустили ². Здесь, где у меня много знакомых и очень влиятельных, я, вероятно, добьюсь своего ³. Если меня пустят, прощайте, моя дорогая: живой я, должно быть, не вернусь. Не поминайте дурным человека, который любил вас более всего на свете, кроме, разве, одной правды.

О правде я вам скажу несколько слов. Как мне ни горько говорить вам резкие слова, я все-таки скажу, что вы залезаете в грязь. Смотрите, чтобы она вас не проглотила. Сколько я знаю, вы остаетесь у Никулиных, несмотря на ваши обещанья. Если нельзя жить нигде кроме них — живите, что делать; только помните всегда, каждую минуту, что это за люди и что вы живете с ними по необходимости. От вас нельзя требовать решительного поступка, чтобы вы покончили одним взрывом все разом: вы чересчур мягкая девушка; грубые люди вас могут мять как воск; умоляю только вас, живя в грязи, постарайтесь, чтобы она к вам не прилипла, чтобы вы сохранили вполне тот чистый образ, который представляется мне, когда я о вас думаю.

Дорогая моя, ответьте на это письмо. Может быть, для меня это будет ваша последняя ласка. Не откажите в ней, напишите мне письмо, хоть маленькое, но искреннее, не о «тете» и «дяде», а о себе, о той, одно слово

о которой мне ближе и дороже тысяч разных дядей и своих и чужих. Что вам сказать о себе? Жил я в Харькове отвратительно. Писать к вам не мог, от вас получил всего одно письмо. С матерью отношения были дурные (относительно, конечно), так как оба мы всегда были раздражены 4.

Познакомился с Гинзбургами 5; хваленая «Мотя» оказалась такой га-

достью, таким настоящим (...)

Работать в моем настроении было невозможно... 6

До свиданья, если только оно будет. Писать не могу больше, взволновался. Да пора и на урок идти.

Прощайте, моя жизнь, моя радость:

Ваш Всеволод Гаршин

Пишите по следующему адресу: Офицерская ул., д. № 33, кв. 36. В. М. Г.

Пишите, бога ради.

 1 В «Русской мысли» это письмо было опубликовано без даты; в кн.: $\it \Gamma$ аршин $\it III$ с р едакторской датой: «Около 29 августа 1876 г.»— очевидно по связи с письмом к матери, начало которого помечено 29 августа. Здесь Гаршин также сообщает свой новый адрес на Офицерской улице. В предыдущем письме к матери, написанном 26 августа, на другой день после приезда Гаршина в Петербург, о новой квартире еще нет речи; следовательно, настоящее письмо не могло быть написано 26 августа. С другой стороны, 29 августа Гаршин сообщал матери много петербургских новостей, рассказывал о встречах с друзьями и знакомыми. Ничего этого нет в письме к Р. В. Александровой: оно целиком погружено в события харьковской жизни. Поэтому наиболее вероятной нам представляется датировка 27 или 28 августа.

² 18 июня 1876 г. Сербия объявила войну Турции, которая ответила отказом на требование передать Боснию и Герцеговину в управление Сербии и Черногории. Сербская война вызвала большой поток добровольцев из русской молодежи. Гаршин, находясь летом в Харькове, просил о выдаче ему заграничного паспорта, но харьковский

губернатор Д. Н. Кропоткин отказал ему, как подлежавшему воинской повинности (см.: «Русское обозрение». 1895, кн. 2, с. 878).

3 Гаршин уже в начале сентября отказался от намерения ехать добровольцем в Сербию. Главную роль в этом сыграло, вероятно, понимание неизбежности войны между Россией и Турцией.

⁴ О тяжелых отношениях с матерью во время летнего пребывания в Харькове Гаршин писал ей 26 августа 1876 г. (Гаршин III, с. 86—87).

Борис Михайлович Гинзбург и его дочь Матильда Борисовна — харьковские

6 Речь идет о литературных опытах Гаршина.

Петербург. [9] 10 сентября 1876 г. ¹

Ваше письмо, дорогой мой друг, и обрадовало меня и огорчило. Обрадовало, потому что оно такое хорошее, искреннее; огорчило, потому что я увидел, как вам скверно и тяжело. Господи, если б вы знали, как меня В. М. ГАРШИН Портрет работы Э. Черчейт (масло), 1875

На обороте — рукой Гаршина: «За Владимиром Латкиным право владения этим портретом утверж-

даю $18\frac{2}{X}$ 75»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

мучает полнейшая невозможность помочь вам чем-нибудь, кроме ободренья. Не смотрите так мрачно, подумайте, что ведь это долго тянуться не может, что у вас впереди непременно будет лучшее будущее, хорошая жизнь. Две-три капли воды, попав в гранитную скалу и не находя выхода, разрывают ее; неужели вы думаете, что ваше положение не такое же, как этих капель. Я всегда утешаюсь подобным образом: это уже чересчур скверно, и поэтому должно так или иначе кончиться. Логики тут мало, а правда есть.

Ходите, пожалуйста, к матушке: она искренно и горячо вас любит. Что касается до того, знает ли она о нашем объяснении, скажу вам, что она может догадываться обо всем. Да разве это и трудно? Шила в мешке

не утаишь. Да если она и догадалась, то беды тут особенной нет.

Живу я вместе с В. Н. Афанасьевым ². Лекций покуда еще нет. Хожу на урок; достали мы с Афанасьевым еще чертежную работу. Живем понемножку; если бы еще из Харькова приходили хорошие вести, так было бы ничего. А то — вы пишете письмо печальное, матушка — еще того скорбнее. В Сербию уехать оказалось решительно невозможным. Мы с Владимиром Михайловичем (Латкиным) бегали целую неделю по разным особам, влиятельным и невлиятельным, и ничего не добились. Да, правду сказать, я теперь уже не так и стремлюсь: вести оттуда приходят уже не такие печальные; справятся и без меня. Недавно Малышев ³ писал к Суворину (издателю «Нового времени») письмо, спрашивая, ехать ему в Сербию или не ехать, и получил такой ответ: «М. Г., мое мнение ничего не значит, а вот мнение [г<енерала>] Черняева: ⁴ он говорит, что ему нужны только офицеры и солдаты».

Так что вы напрасно горюете, что лишитесь «дорогого и искреннего друга». Дорогая моя, спасибо вам за эту фразу. Когда вы так долго не писали мне из Старобельска, я думал уже, что лишился всех прав на это звание, которое дороже мне всех чинов. Мучительное было для меня это лето, и не в этом одном только отношении. Я чувствую, что я за эти три месяца ужасно постарел, не телом, конечно. Моя обыкновенная веселость куда-то исчезла; многие меня спрашивают ни с того, ни с сего: «о чем вы, В. М., задумались?» - хотя я ни о чем и не задумывался.

Писать опять начинаю: в Харькове решительно не мог. Матушка вам даст прочесть, конечно, мои стихи по поводу Сербии. Не напечатали

их за строчку

«Мы не ипем по прихоти владыки».

Выкинуть или изменить эту строчку я не умею 5.

Даю вам слово, что в эту зиму вы увидите мое имя в печати. Я должен идти по этой дороге во что бы то ни стало. Помните, я сказал вам, что не кончу курса в Институте: потому, дескать, что предметов много и что их знать невозможно. Вы тогда меня неверно поняли, подумав, что их невозможно знать для экзаменов. Это-то пустяки, экзамены меня нисколько не устрашают, и будь охота, кончить курс в Институте было бы вовсе не трудно. Трудно только работать с сознанием, что, несмотря на все удачные экзамены, ты все-таки знать не будешь ничего. Да и карьера горного инженера пугает меня. Я знаю многих из них: все разделяются на три категории: одни — дельцы, загребающие деньги, чины, места; другие спившиеся люди, третьи — кандидаты во вторую категорию, люди хорошие, честные, страдающие из-за того, что стоят не у дела, а у пустого места. Да разве это не пустое место — набивать мошну какому-нибудь неучу. Или провести полжизни на Монетном дворе (как А. С. Дорошенко, один из моих хороших знакомых 6), день за днем отвешивая золото, серебро, кислоты и проч. и проч. Я не хочу такой жизни. Я чувствую в себе силы для известной деятельности, и ей отдам свою жизнь.

Впрочем, если совсем уже не опротивеет, дотяну и наш курс. Окончание его имеет важность: даст положение.

Дорогая моя, не скоро еще я увижу вас! Целых три месяца. Будем, по крайней мере, писать друг к другу. Если бы вы всегда писали так, как написали это письмо!

Бедный Володя остался на 3 курсе. Все наделала болезнь Квитки! Вчера приехала в Петербург из Усть-Сысольска Елизавета Ивановна Латкина, наш общий друг. Она, кажется, расходится с мужем, хотя официально они об этом молчат. Она поступает в Медицинскую Академию 7.

Снимусь сейчас же, как только будут деньги, и снимусь у Каррика, и тотчас же вышлю карточки вам и Александре Кузминишне. Пора кончить письмо. Бумага кончается и время — тоже; сейчас иду на урок. До свиданья. (Уж теперь не напишу «прощайте»). До свиданья, дорогая моя

Вечно вас любящий Всеволод Гаршин

¹ В РМ это письмо опубликовано с ошибочной датой: 19 сентября; эта же ошибка повторена и в кн. Гаршин III. В автографе первоначально было: 9 сентября, затем цифра «9» переправлена на «10». Правильность последней датировки подтверждается сообщением о приезде Е. И. Латкиной («Вчера приехала...») — в письме к матери от 9 сентября Гаршин сообщал: «Сегодня приехала Лизавета Ивановна Латкина» (Гаршин III, с. 92).

 2 Об В. Н. Афанасьеве см. наст. том, с. 202.
 3 Об М. Е. Малышеве см. наст. том, с. 248—250.
 4 Михаил Григорьевич Черняев (1828—1889) — русский генерал; во время серботурецкой войны 1876 г. командовал одной из сербских армий, затем был назначен главнокомандующим.

5 Гаршин послал это стихотворение в «Новое время». О том, что оно не было напечатано из-за одной строки, Гаршин писал матери 8 сентября 1876 г. (Гаршин III, с. 90). В этом же письме он привел полный текст стихотворения. Впервые оно было опубликовано в кн: «Путь-дорога». Научно-литературный сборник в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам. СПб., изд. К. М. Сибирякова, 1893, с. 326.

⁶ Алексей Семенович Дорошенко— приятель Гаршина, окончил Горный инсти-

тут в 1876 г.

7 О женских курсах при Медико-хирургической академии см. п. 3, примеч. 6. Об Е. И. Латкиной (рожд. Труневой) см. наст. том, с. 200.

Для передачи Р. В.

<Сватово, около 2 мая 1877 г.> 1

Дорогая Раиса Всеволодовна!

Окажите мне услугу, которой я ввек не забуду. В том ломберном столе, что стоит у нас на галерее, лежит целая куча писем матушки и других ко мне. Через Маланью, выньте их, конечно, чтобы «хозяйка» и Жорж даже не знали, запечатайте и спрячьте 2. Если их там нет, то их утащила, значит, Глафира Васильевна, что для меня более чем неприятно. Пишу к вам из Сватовой, сейчас только вспомнил об этом печальном обстоятельстве. Едем благополучно. Кланяйтесь Марии Николаевне, Александре Кузминишне, Наде № 1, Наде № 2 3 и Со.

Тысячу раз целую ваши руки.

Ваш Всеволод Г.

Р. S. Федя Паньков (?) 4 на прощанье совсем разрыдался, бедный.

Сватово — железнодорожная станция и город в 190 км, к юго-востоку от Харькова. По месту отправления письма и его содержанию относим его к 1877 г. Сразу после объявления Россией войны Турции (12 апреля 1877 г.) Гаршин и В. Н. Афанасьев решили ехать в Кишинев, где располагалась русская армия. 21 апреля Гаршин выехал из Петербурга в Харьков, где пробыл несколько дней у матери. Здесь к нему присоединился Афанасьев, задержавшийся в Петербурге. В Кишинев они приехали 4 мая. Отсюда можно предположить, что из Харькова они выехали 2 мая. Этим и определяется приблизительная датировка письма.

Волнение по поводу забытых писем и забота об их сохранении подтверждают наше предположение, что письмо относится ко времени отъезда Гаршина на театр

военных действий.

³ Надя № 1 — сестра Р. В. Александровой Надежда; кто назван «Надей № 2»,

установить не удалось.

4 В подлиннике фамилия написана неразборчиво.